

Исламское возрождение в Урало-Поволжском макрорегионе России: сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана

С началом перестройки и последовавшей за ней радикальной общественной трансформацией, на всей территории бывшего СССР ислам, как одна из традиционных конфессиональных общностей нашей страны, стал значительным фактором социально-политической жизни не только прежних "восточных" советских республик, но и - Российской Федерации в ее современных границах. Можно утверждать, что последнее десятилетие XX и начало XXI века стали для России эпохой не только "взбунтовавшейся этничности", но и временем "исламского ренессанса". Этот процесс совпал со стремительным возрастанием роли ислама во всем мире, его существенной радикализацией, позволившей даже некоторым специалистам заявить о "реализации" поначалу мало кем принимаемой концепции С.Хантингтона "столкновения цивилизаций" и о возникновении "исламской угрозы" для современного человечества.¹

Общеизвестно, что в пределах современной России выделяют два основных социокультурных ареала, которые определяют масштаб и направления возрождения мусульманской конфессии: Северо-Кавказский и Урало-Поволжский макрорегионы исламского или, вернее сказать, *исламизированного* общественного пространства. Крупные российские города (Москва, Санкт-Петербург и т.д.), находящиеся за пределами этих макрорегионов, и также имеющие в своем составе большие тюрко-мусульманские анклавы, не определяют основные тенденции развития исламской уммы в силу значительного мультикультурализма и урбанизированно-цивилизованного характера проживающего здесь населения.

Исторически сложилось так, что ведущими российскими регионами Урало-Поволжья, в которых ислам имеет наиболее устоявшиеся традиции и наибольшее количество сторонников, являются Башкортостан и Татарстан², а крупнейшими мусульманскими этносами России - татары и башкиры³. Несмотря на то, что по признанию специалистов, Северный Кавказ, по различным причинам, отличается от других регионов, и в том числе от Урало-Поволжья, своим радикальным исламизмом, выступая даже его очагом⁴, Башкортостан и Татарстан оказывают существенное влияние на развитие ислама в России. В этом смысле, принимая во внимание традиции Урало-Поволжья как исторического центра российской мусульманской уммы и

¹ Малашенко А. Бродит ли призрак "исламской угрозы"? М. Московский центр Карнеги, 2004

² В Башкортостане проживает свыше 1 млн.120тыс. татар и более 863 тыс. башкир, в совокупности более 50% населения, а в Татарстане более 1млн.765тыс. татар (свыше 52% населения).

³ Татары составляют свыше 5 млн.(3,8% общей численности населения и второе место после русских), а башкиры свыше 1 млн. (третье место после русских и татар) человек по стране в целом. В связи с отсутствием официально опубликованных данных по национальностям в некоторых регионах (например, в Башкортостане) по результатам переписи 2002 года, автор, для более корректного сравнения, использует материалы предыдущей переписи 1989г.

⁴ Макаров Д. Радикальный исламизм в российских регионах: общее и особенное (на примере Дагестана, Кабардино-Балкарии, Караево-Черкесии и Татарстана)// Ислам в советском и постсоветском пространстве. - Казань.2001

количество здесь потенциальных приверженцев ислама, значение этого макрорегиона как "исламского фактора" России трудно переоценить. Вместе с тем, практика новейшего общественно-политического развития показывает, что в Башкортостане и Татарстане как субрегионах Урало-Поволжской историко-культурной общности имеются в процессе исламского возрождения значительные различия, обусловленные как причинами этноисторического характера, так и современнейшими политическими факторами. Именно поэтому, на наш взгляд, при научном исследовании развития ислама в Урало-Поволжье необходим сравнительный анализ ведущих тенденций и противоречий эволюции мусульманской конфессии в Башкортостане и Татарстане как двух наиболее ярких субъектах Российской Федерации "республиканского типа".

Разработанность, методические основания и эмпирическая база исследования.

Политологическое исламоведение развернулось в нашей стране практически одновременно с началом демократических преобразований и последовавшей за ними реисламизацией российского общества. При этом, если поначалу преобладали исторические работы и по "советской" научной традиции - анализ, так сказать, "теологических проблем" отечественного ислама, то с середины 90-х годов XX века, значительную часть отечественных публикаций составляют уже исследования российской мусульманской конфессии с позиций социологического и политологического изучения. На общероссийском уровне, подробно затрагивая и региональную специфику, исследуют современное развитие исламской конфессии А. Малашенко, В. Наумкин, Г. Михайлов и др.⁵ Среди региональных авторов наиболее значительные работы по современной исламской проблематике подготовили исследователи из Татарстана Д.Исхаков, Р. Мухаметшин, Р.Мусина, Д.Хайретдинов⁶ и др., и башкортостанские специалисты Р.Кузеев, А.Юнусова, Г. Фаизов, Р.Галлямов и др.⁷ В столицах Татарстана и Башкортостана сформировались, (в основном вокруг ярких ученых) и начали институционализироваться современные исламоведческие научные школы: в Казани - в структуре Института истории Академии наук Республики Татарстан, в Уфе - в рамках центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. Появились глубокие и цельные публикации, подготовленные

⁵ См. например: Малашенко А. "Мусульманский мир СНГ". М.1996; Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. М.1998; Михайлов Г. Ислам в России // Ислам в России и Средней Азии. М.1993; Наумкин В. Россия и ислам // Современный ислам: культура и политика. М.1994

⁶ См. Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань, 1997; Исхаков Д.М. Проблема становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997; Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке. Казань, 2003; Мусина Р.Н. Этноконфессиональные особенности и факторы формирования гражданской идентичности // Федерализм в России. - Казань, 2001.; Хайретдинов Д.З. Возрождение культурных ценностей ислама в национальном движении и повседневном поведении татар // Суверенитет и этническое самосознание: идеологии и практика, М.1996.

⁷ См. Кузеев Р.Г. Демократия. Гражданственность. Этничность. ; Фаизов Г.Б. Государственно-мусульманские отношения в Поволжье и Приуралье.- Уфа,1995; Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. - Уфа, 1999; Галлямов Р.Р. Политическая элита. Этничность. Гражданственность. - Уфа, 2004.

коллективами авторов.⁸ В основном выше перечисленные и другие ученые, а также журналисты в последние годы опубликовали многочисленные статьи в периодических изданиях, региональных и республиканских газетах. По своему аналитическому содержанию многие из этих публицистических работ не уступают серьезным научным исследованиям. Наряду с добротным политологическим анализом, основанном на изучении государственно-конфессиональных отношений, правовых материалов, внутриконфессиональных процессов, в последние годы проводились и публиковались результаты масштабных репрезентативных социологических опросов населения, без чего невозможно выявление уровня распространения религиозности и трансляции идей мусульманской конфессиональной элиты на широкие слои верующих.

Вместе с тем, многие аспекты современного развития мусульманской уммы в Урало-Поволжском макрорегионе России остаются малоисследованными. В особенности это касается анализа проблем раскола в высшей исламской элите, исследования качественного состава последней, изучения генезиса и распространения ведущих идеологов, которые пропагандирует мусульманское духовенство в различных своих статусных сегментах. Практически не изучены, несмотря на их констатацию, этнический аспект развития мусульманской идентичности в Урало-Поволжье, влияние на нее процессов политизации ислама в стране, отсутствует компаративный межрегиональный анализ.

В рамках данного исследования автор предполагает акцентировать свое внимание именно на вышеозначенных проблемах эволюции исламской конфессии в Урало-Поволжском макрорегионе России. Несмотря на то, что основная часть выводов базируется на исследовании эмпирических материалов по Башкортостану, большинство вопросов рассматривается автором сквозь призму сравнительного анализа с имеющимися аналогичными материалами по Республике Татарстан. Одновременно, в связи с тем, что в Башкортостане, в отличие от Татарстана, функционируют и жестко соперничают за приходы и влияние на общество два духовных управления мусульман-муфтията (Центральное духовное управление мусульман России (бывшее ДУМЕС) во главе с Т. Таджутдином и Духовное управление мусульман Республики Башкортостан во главе с Н.Нигматуллиным), в работе анализируются несомненно существующие различия в основных подходах этих управленческих структур к внутриконфессиональной политике.

Эмпирическую базу нашего анализа составили несколько групп источников, комплексное использование которых позволяет рассматривать заявленные исследовательские задачи:

Во-первых, использовались результаты обширных и, к сожалению, мало используемых пока специалистами массовых и экспертных социологических

⁸ См. например: Этничность и конфессиональная традиция в Волго - Уральском регионе России. М. 1998; Ислам в советском и постсоветском пространстве. Казань, 2004; Преодолевая государственно-конфессиональные отношения. Нижний Новгород, 2003.

⁹ Более подробно о выборке этих опросов см. Галлямов Р.Р. Указ. соч. - с. 99-101

опросов, проведенных в 90-е годы XX века различными исследовательскими центрами. Некоторые из материалов этих опросов "вынуты" из публикаций, а в некоторых автор имел возможность принять непосредственное участие (это касается массового социологического опроса городских башкир (817 чел.), татар (779 чел.) и русских (814 чел.) Башкортостана в 1993 году, а также - репрезентативного по республике опроса сельских и городских жителей (выборка 2000 человек в пяти городах и пяти сельских районах) летом 1995 года).⁹

Во-вторых, анализировались некоторые любезно предоставленные материалы текущих архивов (в том числе - статистическая отчетность) Центрального Духовного Управления мусульман России расположенного в г.Уфе и Духовного Управления мусульман Республики Башкортостан, газеты, издаваемые в ЦДУМ России ("Дагват") и при соучредительстве ДУМ Республики Башкортостан ("Рисалат"). Несмотря на непостоянную периодичность издания этих и других религиозных газет, в них содержится большая информация о развитии мусульманской конфессии в Башкортостане.

В-третьих, основная часть эмпирического материала, используемого для данного исследования подчерпнута автором из самостоятельного спланированного и проведенного в марте-августе 2004 года углубленного интервью мусульманской элиты Башкортостана. В основу выборки этого интервью был положен принцип позиционного анализа, всего проинтервьюировано 38 религиозных деятелей, куда были включены: а) руководители действующих в Башкортостане муфтиятов (муфтии, все их заместители и ответственные секретари); б) отобранные по представительной сетке имам-мухтасибы (руководители субрегиональных и районных объединений мулл) Башкортостана из обоих соперничающих муфтиятов; в) наиболее влиятельные, авторитетные имам-хатибы соборных и других крупных мечетей городов и райцентров республики.

В связи с тем, что в Республиканском Духовном управлении мусульман Республики Башкортостан при ЦДУМ России имеется (по данным на лето 2004 года) 35 мухтасибатов, а в Духовном управлении мусульман Республики Башкортостан (по признанию муфтия Н.Нигматуллина) - "... около 20", выборка проведенного интервью охватила около 60% имам-мухтасибов по обоим муфтиятам. Опрос проводился с выездом в основные этноисторические зоны Башкортостана и среди наиболее значимых фигур мусульманского духовенства республики.

Демографический и социально-экономический потенциал исламского возрождения в Башкортостане.

Важнейшим фактором мусульманского ренессанса в Урало-Поволжье несомненно является количественные показатели населения, выступающего реальным и потенциальным носителем исламской духовной культуры, а также - характеристики его народонаселенческой "концентрации" на определенной территории, чересполосного проживания с представителями других конфессий.

⁹ Более подробно о выборке этих опросов см. Галлямов Р.Р. Указ. соч. - с. 99-101

Не менее важен и геополитический контекст развития центров традиционной российской исламской культуры, близость к границе, к очагам межэтнической и другой социальной напряженности. Наконец, немаловажное влияние на интенсивность исламского возрождения оказывает уровень социально-экономической развитости регионов, преимущественная сфера трудовой занятости населения, формы его расселения и социоприродной (горы или равнины) адаптации.

В целом по России, как известно, расчеты, основанные на различных методиках, в том числе - на результатах этностатистического анализа численности народов, позволяют некоторым специалистам оценить количество мусульман приблизительно на уровне 14,5-19 млн. человек.¹⁰ Если исходить из материалов переписи населения 1989 года, даже с учетом позднейших масштабных миграций и постсоветских войн и конфликтов, на наш взгляд, российских мусульман насчитывается не более 12-13 млн. человек.¹¹ Нельзя не отметить и заметную динамику роста мусульманского населения в России во второй половине XX века с 5,9% в 1937 году до 8% уже к 1994 году.¹² В Урало-Поволжском ареале российского расселения мусульмане составляют свыше 4 млн. 700 тыс. человек,¹³ в том числе в Татарстане - 1 млн. 765 тыс. человек¹⁴ и в Башкортостане - 1 млн. 984 тыс. человек.¹⁵ Таким образом, в Урало-Поволжье сосредоточено свыше 36% российских мусульман, а в Башкортостане и Татарстане суммарно - около 15,5% представителей исламизированного населения России.

В отличие от Северного Кавказа, где в большинстве "исламских" субъектов Российской Федерации мусульманское население превалирует над немусульманским (иногдакратно доминируя), и сосредоточено, в силу аграрного характера расселения, в концентрированных формах, в Урало-Поволжском макрорегионе: а) мусульмане и в сельской местности исторически расселены чересполосно с немусульманами; б) достигнут высокий уровень урбанизированности (свыше 65%) и межконфессиональной маргинальности (межэтнические смешанные браки составляют от 5% у старшего поколения, до 25% - у молодых); в) в совокупности мусульманское население составляет в Башкортостане (с учетом тюркизированных чувашей и марийцев) около 51%¹⁶, а в Татарстане - чуть более 52% населения этих республик.

Совершенно очевидно, что только статистические расчеты не могут дать адекватного представления о роли исламского фактора в самоидентификации народов Урало-Поволжья. Для этого необходимо обращение к результатам

¹⁰ Малашенко А. Исламское возрождение в современной России, с. 7-8

¹¹ Расчеты основывались на материалах сборника "Национальный состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г." - М. 1990

¹² Малашенко А. Исламское возрождение, с.8

¹³ См. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.1992; Исхаков Д.М. Татары: краткая этническая история. - Казань, 2002г.

¹⁴ Исхаков Д.М. Краткая этническая история, с.3

¹⁵ Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989г. - Уфа, 1990. - с. 18

¹⁶ Расчеты основаны на этнодемографической статистике, опубликованной в книге "Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки". - Уфа, 2002

репрезентативных массовых опросов населения. Социологические данные по Башкортостану показывают, что уровень религиозности населения уже с начала 90-х годов, несмотря на "советское атеистическое" наследие, был достаточно высоким (в 1993г-45%) и в течение этого десятилетия заметно увеличился (в 1995-69%). Причем увеличение религиозности происходит за счет так называемых "колеблющихся", перешедших в эту категорию из тех кто ранее трактовал себя как "не верующий, но уважающий чувства тех, кто верит", и из тех кто отвечал, что ему все равно. Количество безоговорочно верующих (с разным уровнем соблюдения обрядов) стабилизировалось (по данным опросов 1993 и 1995 годов) на уровне 55-60% от числа опрошенных. Аналогичные результаты получены московскими и казанскими этносоциологами по Татарстану; уверенно декларирующих свою приверженность религии оказывается свыше 50% от числа опрошенных.¹⁷ Более новые исследования религиозной идентификации мусульманского населения по обеим рассматриваемым республикам показывают продолжающийся рост исламского самосознания населения до уровня приблизительно 68% по Башкортостану¹⁸ и до 67-70% по Татарстану.¹⁹

Оценка развития массовой религиозности самими представителями духовенства Башкортостана также противоречива: многие отмечают в основном "инерционный" (после "всплеска" начала 90-х годов) характер эволюции мусульманскости, большие "сельско-городские" и региональные развития в этом смысле, отставание исламской конфессии от православия. Например, на вопрос стандартизированного интервью "Каково, на ваш взгляд, состояние исламской религии в современном обществе? Есть ли за последние годы положительная динамика? Каковы перспективы этого процесса?" представители мусульманской элиты РБ ответили следующим образом (в порядке убывания количества ответов): а) Динамика есть, перспектива есть, но пока не хватает ресурсов и квалифицированных преподавателей - 42,1% опрошенных; б) Движение вперед есть, но оно только на инерции, полученной в конце 80-х начале 90-х годов - 31,6%; в) В Башкортостане влияние ислама слабое, в Татарстане значительно более сильное - 15,8%; г) Динамика есть, но религия ограничивается в основном исполнением обрядов - 15,8%; д) В деревне молодежь меньше подвержена исламу, чем в городе - 13,2%; е) Развитие исламской религии идет, но медленно, при этом среди молодых и мужчин - мало, среди женщин - много - 10,5%.

На вопрос интервью "Какая конфессия в нашей стране развивается динамичнее и почему?" около трети (28,9%) ответили, что "ислам развивается медленнее, так как православной конфессии большую помощь оказывает государство, среди христиан больше сохранилось верующих"; 34,3%

¹⁷ См. Галлямов Р.Р. Политическая элита. Этничность. Гражданственность. Уфа, 2004 - с. 124-125

¹⁸ Расчет основан на результатах опроса всего населения РБ в 1997 г., когда 38,7% респондентов (т.е. около 70% от "этнических мусульман республики") продекларировали свое мусульманское вероисповедание. См. Юнусова А. Ислам в структуре межконфессиональных отношений в Башкирии // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России, с.57

¹⁹ Мусина Р.Н., Шумилова Е.А. Этноконфессиональное взаимодействие и проблемы толерантности // Государственно-конфессиональные отношения в Современном Татарстане, - Казань, 2003, -с.144

опрошенных, за разными основаниями, уверены, что ислам развивается быстрее; и 10,5% отметили, что "в Поволжье ислам растет сильнее, в других (немусульманских) регионах - интенсивнее развивается православие."

На наш взгляд, одним из наиболее существенных факторов, влияющих на значительно более слабые перспективы исламского возрождения в Урало-Поволжском регионе, по сравнению с Северным Кавказом, является очень тонкий слой социальной базы, из которого возможно сегодня рекрутирование мусульманского духовенства. Развитое индустриально-аграрное производство, широкие возможности светского образования и карьеры буквально "вычерпывают" в эти сферы практически всю (особенно - талантливую) молодежь. Как показали проведенные автором интервью исламской элиты Башкортостана, за редким исключением, подавляющая часть нынешнего молодого поколения духовенства обладает довольно средними интеллектуально - образовательными способностями, заканчивало среднюю школу более, чем скромно, не имеет широкой светской эрудиции. Этот вывод относится в том числе к тем, кто получил свое духовное образование в ведущих исламских учебных заведениях дальнего Зарубежья. Именно поэтому глубокое проникновение Урало-Поволжья в вестернизированную по своему характеру современную индустриально-технологическую культуру лишает возможности развиваться реисламизации до уровня, имеющего здесь в досоветскую и раннесоветскую (до конца 1920-х годов) эпохи. Северный Кавказ же, судя по имеющимся исследованиям, уже сегодня не только достиг предреволюционного уровня развития ислама (количество и состав приходов, масштабы хаджа, религиозного образования и т.д.), но и в некотором смысле превзошел его.²⁰

В условиях Урало-Поволжья одним из важнейших факторов исламского ренессанса стали государственно-исламские отношения, в связи с тем, что политические элиты республик, в том числе - высшее руководство Татарстана и Башкортостана (правда в разной степени) осуществляют мощную протекционистскую политику по отношению к мусульманской конфессии. Кстати в ходе проведенных автором интервью значительная часть опрошенного духовенства, независимо от муфтията, постоянно и настойчиво подчеркивала, что значительнее более блестящие успехи ислама в Татарстане, чем в Башкортостане основаны на том, что руководство Республики Татарстан проводит прямую и малоприкрытую финансовую и политическую поддержку Духовного управления мусульман Татарстана во главе с Г.Исхаковым. Интервьюируемые передавали мне, как не требующую доказательств информацию, слухи о том, что Президент Республики Татарстан М.Шаймиев дал личные указания главам всех подчиненных администраций городов и районов о строительстве мечетей в крупных населенных пунктах, где проживает мусульманское население, постоянно "стимулирует" республиканские предприятия и предпринимателей к "спонсорству" мусульманских общин и непосредственно Духовного управления мусульман

²⁰ См. новейшие работы Д.Макарова, М.Ибрагимова, К.Мацузато.

Республики Татарстан. Многие опрошенные автором деятели мусульманского духовенства Башкортостана выражали искреннее сожаление по поводу того, что в республике отсутствует подобная государственная поддержка. Даже если принять во внимание невозможность подтверждения вышеприведенной информации, несмотря на постоянные заверения государственных чиновников и некоторых ангажированных специалистов об отсутствии со стороны руководства Республики Татарстан протекции избранным исламским организациям в ущерб балансу интересов конфессий в целом, совершенно нельзя игнорировать некоторые законодательно-правовые и политические реалии. Назовем только некоторые, так сказать, наиболее "зримые" из них. Во-первых, по признанию казанских исламоведов, Администрация Президента Республики Татарстан и правительство Республики Татарстан приняли активное участие в организации и проведении "объединительного" съезда мусульман Татарстана в феврале 1998 года, многое сделали для "селекции" необходимых руководителей вновь созданного муфтията.²¹ Во-вторых, после создания объединенного ДУМ Республики Татарстан для него было выделено и отремонтировано великолепное и престижное здание в историческом центре г.Казани, продолжается серьезная финансовая подпитка, в том числе - из бюджета республики.²² В-третьих, руководство Республики Татарстан в 2000 году при посредничестве Института истории АН Республики Татарстан выступило учредителем Российского исламского университета (на базе знаменитого медресе "Мухамадия"), участвуя, таким образом, в организации финансирования религиозного образования. Наконец, в-четвертых, в законе Республики Татарстан "О свободе совести и религиозных объединениях", принятом Госсоветом Татарстана в июне 1999 года (через два года после аналогичного российского закона), как бы по - разному его не комментировали, записано, что "...мусульманские религиозные организации в Республике Татарстан представляются и управляются одной централизованной религиозной организацией - ДУМ Республики Татарстан". Тем самым законодательно закрепляется принцип государственного протектирования одной из внутриконфессиональных организаций, не признающей, кстати, исторически и юридически более легитимную объединенную организацию российских мусульман - ЦДУМ России²³. Вместе с тем, введение в силу этого закона, как отмечают специалисты, "... дало возможность регулирования религиозных отношений практически между двумя потенциальными субъектами конфессиональной политики - государством и ДУМ Республики Татарстан, не подключая в этот процесс других (духовенство, рядовых верующих, махалля)", и тем самым полностью *огосударстило* исламскую конфессию в Татарстане.²⁴

Таким образом, межрегиональные (Северный Кавказ и Урало-Поволжье) различия мусульманского возрождения в России предопределяются, на наш

²¹ Мухаметшин А. Татары и ислам в XX веке, Казань 2003, с.175-216

²² Мухаметшин А. Татары и ислам в XX веке, Казань 2003, с.194-204

²³ См. Мухаметшин Р. Указ.соч.-с.199; Набиев Р.Р. Оттенки зеленого цвета: развитие ислама в Волжско-Камском регионе // Ислам в советском и постсоветском пространстве, с-112-115.

²⁴ Мухаметшин Р. Указ.соч.-с.176.

взгляд, такими основными факторами, как: а) степень межконфессиональной смешанности и урбанизированности расселения; б) уровень вовлеченности в российское и евразийское в целом социокультурное пространство; в) традиции межэтнической и межконфессиональной толерантности, более развитые в Урало-Поволжье; г) геополитическое положение и отдаленность от границ и очагов вооруженных конфликтов. Кроме того, можно согласиться и с аргументами Д.Макарова, высказанными по поводу причин особенного развития радикального исламизма в этих макрорегионах, а именно: устойчивость исламской традиции, наличие организованных и активных северокавказских диаспор в мусульманских странах, социально-экономический, этнополитический и геополитический контекст, более жесткая политическая культура и политическая психология, ограниченные масштабы религиозного взаимодействия и взаимовлияния.²⁵

Одновременно внутрирегиональные (между Татарстаном и Башкортостаном) особенности в процессе реисламизации Урало-Поволжья детерминируются главным образом следующими группами причин: 1) Уровнем государственно - политической ангажированности муфтиятов - в Татарстане он значительно выше, соответственно успехи - больше; 2) Степенью институционализации прежних и новых мусульманских организаций в республиках, на что наибольшее влияние оказывает ярко выраженный раскол в Башкортостане и его "умелое", не без помощи государственных структур, устранение в Татарстане; 3) Имеющей глубокие историко - этногенетические корни, разницей в проникновении ислама в массовое сознание татар и башкир.

Исламское возрождение и институционализация мусульманских организаций.

Раскол и его последствия

Мощный подъем религиозности конца 80-х - начала 90-х годов XX века способствовал привлечению в среду мусульманского духовенства большой группы талантливых и амбициозных имамов, многие из которых получили хорошее религиозное образование (поначалу под личным руководством Т.Таджутдина, ставшего в 31 год (1980г.) председателем ДУМ Европейской части СССР и Сибири, позднее - там, куда их делегировали) в нашей стране и за рубежом. Личное общение со многими нынешними активными деятелями исламского духовенства в Башкортостане привело автора к выводу о том, что подавляющая часть этой элиты среднего (35-55лет) возраста была рекрутирована и "благословлена" в жизнь непосредственно самим Т.Таджутдином. Этот вывод относится и к его сторонникам, и что самое удивительное, к его противникам, касается многих ярких личностей в духовном мире и Башкортостана и Татарстана.

Рост религиозности в конце 80-х годов под влиянием процессов демократизации привел к необходимости восстановления в 1989 году при ДУМЕС (г.Уфа) медресе, которому было присвоено имя муфтия Р.Фахретдинова. Ранее будущие имамы получали образование в средне-

²⁵ См. Макаров Д. Указ.соч.-с.49-51.

азиатских медресе или в исключительных случаях - за границей. Высокий конкурс во вновь открытое медресе показал необходимость создания собственной системы религиозно-мусульманского образования. Началось бурное увеличение количества приходов, строительство многочисленных мечетей.

Однако стремительное обновление деятельности имеющихся официальных исламских организаций (например, создание мухтисабатов), начавшая институционализация образовательной системы, учреждение и регистрация новых общин были существенно заторможены (хотя рост, но в другой динамике все же сохранялся) расколом в среде мусульманского духовенства, возникшем летом в 1992 году. В последние годы историю этого раскола, его причины, современное развитие и последствие пытались проанализировать не только его непосредственные участники, обремененные грузом политических пристрастий, но и многие российские исламоведы, которые, казалось бы, должны были исследовать предпосылки раздробления, дистанцируясь от позиций участников конфликта. Отнюдь. Анализ появляющихся на эту тему научных публикаций показывает, что авторы чаще выступают идеологами того или иного подхода, демонстрируя не свойственную ученому объективность, а попытки "теоретически обосновать" происходящие в управлении мусульманскими общинами Урало-Поволжья процессы.²⁶ Не вдаваясь в дискуссию о смысле раскола с позиций "поиска виноватых", подчеркнем лишь "объективные" его предпосылки, которые в значительной мере стали выражением субъективных желаний молодых имамов.

Первой и основной *группой причин* раскола муфтиятов и регионализации общин в целом несомненно стала борьба за власть на основе неудовлетворенных политических амбиций и стремления контролировать появившиеся вдруг немалые материальные (недвижимость) и финансовые (пожертвования мусульманского мира) ресурсы.²⁷ Именно поэтому в ожесточенную войну друг против друга вступила высшая мусульманская элита на уровне страны и отдельных регионов. На местном (мухтасибатском) уровне противостояние менее выражено, и лишь в той мере, в какой оно транслируется "сверху". В отношениях рядовых имамов противоречий практически нет, они работают совместно, "без оглядки на начальство". Кстати проведенные нами интервью зафиксировали негативное отношение подавляющего большинства опрошенных имамов (Вопрос: "Как Вы относитесь к дроблению исламских управлений по региональному принципу?") к регионализации управления исламом в стране - 86,8% (33 чел.) ответили на него отрицательно. Только 5 из числа респондентов (13,2%) считают регионализацию нормальным явлением. Естественно, что все они члены руководства регионального ДУМ РБ. На вопрос о том, как вообще должны управляться мусульманские приходы, 63,2% имамов обоих опрошенных муфтиятов ответили, что должен быть единый муфтий, строгая централизация

²⁶ Для того, чтобы прийти к подобному выводу достаточно ознакомиться с работами Д.Исхакова, Р.Мухаметшина, Р.Набиева, А.Юнусовой.

²⁷ В этом смысле мы согласны с подходом А.Юнусовой. См. Юнусовой А.Б. Ислам в Башкортостане, с.286

по стране; 13,2% - считают, что религиозные управления необходимо разделить по регионам; 10,5% выступили за подчинение приходов ДУМ РБ, а 5,3% - за то, чтобы организовать управление на принципах федерализма.

Вторая группа причин раскола основывалась на том, что отделение произошедшее на основе учреждения "независимых" от ДУМЕС духовных управлений мусульман Башкортостана и Татарстана и поначалу негласной их поддержки (регистрация) региональными властями в значительной степени было вызвано влиянием этнополитического фактора в двух смыслах. **Во-первых**, политические элиты ставших "суверенными" в течение короткого времени республик нуждались и в духовно-идеологической поддержке со стороны традиционных конфессий. Руководство ДУМЕС в лице Т.Таджутдина и его союзников дистанцировалась от республиканских элит, пытаясь сохранить нейтралитет и ориентируясь на общероссийское политическое пространство, противопоставив себя тем самым лидерам Татарстана и Башкортостана. Поэтому руководство Татарстана сначала негласно и не очень активно, а с учреждением "объединенного" муфтията" республики в 1998 году - практически открыто выступило на стороне ДУМ РТ, игнорируя или негласно преследуя татарстанских последователей Т.Таджутдина. В результате в Татарстане на сегодняшний день фактически не осталось общин подконтрольных ЦДУМ России, а среди сторонников заметны лишь несколько, в том числе скандально известных имамов (например, имам-хатиб мечети "Булгар" Ф.Салман).

В Башкортостане сложилась несколько иная ситуация. С одной стороны сторонников Т.Таджутдина здесь значительно больше, они организованнее уже в силу того, что центральная резиденция ЦДУМ России (бывшей ДУМЕС) находится в столице Башкортостана - Уфе. С другой стороны, потерпев "фиаско" в Татарстане Т.Таджутдин начал активно сотрудничать с Президентом Башкортостана М.Рахимовым, постоянно политически ангажируя его и приобретая таким образом, если не поддержку, то хотя бы нейтралитет М.Рахимова при выяснении отношений с "независимым" от ЦДУМ ДУМ РБ. Поэтому позиции ЦДУМ России в Башкортостане остаются пока довольно сильными, которые, и с точки зрения динамики развития и организационных достижений опережают показатели ДУМ РБ.

Во-вторых, и в Татарстане, и в Башкортостане борьба молодых имамов за отделение и создание независимых духовных управлений велась под лозунгом и даже под непосредственным руководством этнонациональных, в некоторых случаях - радикальных националистических, а порой - даже экстремистских организаций. В Татарстане, например, по признанию известного этнолога и одного из идеологов национального движения Д.Исхакова: "Духовное управление мусульман Татарстана, хотя и было самостоятельной организацией, развивалась как одна из фракций национального движения"²⁸. Наиболее решительно и бескомпромиссно за создание независимого духовного управления мусульман Татарстана

²⁸ Цитировано по: Мухаметшин Р. Указ. соч., с. 250-251

выступали (особенно после неудачной попытки перенести центральную резиденцию ДУМЕС из Уфы в Казань) национал-радикалы (партия "Иттифак", Милли меджлис), обвиняя Т.Гаджутдина в том, что он якобы не поддержал открыто суверенитет Татарстана.²⁹ Не стоит объяснять, что для национал-радикалов такое вполне логичное поведение лидера мусульман всей России, несомненно является самым тяжким грехом. В Башкортостане непосредственными организаторами ДУМ РБ выступили башкирские национальные организации - Башкирский народный центр "Урал" и Башкирская народная партия. Причем татарский общественный центр (ТОЦ) и ряд других татарских общественно-политических объединений республики выступили против создания ДУМ РБ и за сохранение организационного единства ДУМЕС.³⁰ В дальнейшем, по признанию специалистов этническая составляющая процесса отделения ДУМ РБ от ЦДУМ несколько ослабла, но судя по специально проведенному картографированию подчиненных обоим муфтиятам приходов "... в ведении ЦДУМ находятся районы с преобладающим татарским населением, а в ведении ДУМ РБ - с башкирским".³¹ Проведенные нами интервью мусульманской элиты Башкортостана подтверждают наличие этнического аспекта в противостоянии муфтиятов. Так на вопрос "Не кажется ли Вам, что разделение духовных управлений произошло в том числе по этническому признаку?" 47,4% ответили "да, согласен, этнический фактор сыграл в разделении большую роль"; более мягкий вариант "да, может быть сыграл определенную роль" предложили 23,7% респондентов; 21,1% ответивших считают, что "нет, не играет" и 5,3% проинтервьюированных сочли возможным ответить, что "может быть в регионе есть, но у нас в районе - нет".

В связи с тем, что Башкортостан населяют два основных единоверных тюркских народа, в постперестроечную эпоху обострилась и так называемая "татаро-башкирская" проблема, основанная на том, что исторически весь запад, северо-запад, а в значительной степени - центральный субрегион РБ заселяют татары и "татароязычные" башкиры. Обе эти этнические группы выступают за паритетное представительство во власти, за удовлетворение этнокультурных запросов на основе баланса интересов, за повышение статуса татарского языка в сфере образования и культуры. Мусульманские священнослужители, как показывают проведенные автором интервью, не только не отстранены от этой проблемы, но и принимают активное участие в обсуждении данного вопроса. В тоже время, опрошенные имамы обоих муфтиятов постоянно подчеркивают надэтнический характер исламской конфессии, необходимость оптимизации межэтнических противоречий. Тем не менее, косвенно признавая наличие "татаро-башкирского" вопроса в Башкортостане только 39,5% опрошенных ответили, что "на самом деле проблемы нет, но ее генерируют и развивают политики". 28,9% опрошенных однозначно ответили, что "да, проблема, к сожалению, существует, но среди прихожан ее нет, а мы как имам-хатибы, т.е.

²⁹ Хайретдинов Д.З. Указ. соч. - с. 249

³⁰ Этнополитическая мозаика Башкортостана: Очерки. Документы. Хроника. - М. 1992. - т.2 - с. 250-251

³¹ Юнусова А. Ислам в Башкортостане, с.291

руководители мусульман стараемся ее гасить в своих выступлениях". 15,8% ответивших еще более категоричны в своих суждениях - "проблема существует, она основана на грубых политических ошибках государственных деятелей, на попытках превратить татар в башкир". Наконец, 13,2% участников интервью признают, что "проблема есть, и она может повлиять на отношения мусульман в республике", при только 5,3% отказавшихся отвечать на этот вопрос.

В целом *раскол муфтиятов* в Башкортостане как особый социально-политический процесс *имеет гораздо более сложную структуру*, сильнее подвержен влиянию проблемы межэтнических отношений, менее предсказуем с точки зрения возможных перспектив. Если в Татарстане жесткий контроль со стороны республиканских государственных органов над исламской конфессией практически снял с повестки дня проблему внутриконфессиональных раздоров, то в Башкортостане конкуренция муфтиятов, по-видимому, будет продолжаться еще долго. Несмотря на то, что огромное отрицательное влияние раскола в среде мусульманского духовенства на развитие ислама, религиозности населения признают не только наблюдатели, но и практически все участники конфликта, многие из опрошенных нами имамов и муфтиев не видят возможности решить эту проблему в ближайшее десятилетие. Только треть участников интервью (31,6%) предлагают созвать круглый стол переговоров и объединиться на основе взаимных уступок. Большая часть предлагает заранее неприемлемые варианты взаимного поглощения или хочет оставить все как есть, а 18,4% вообще считает, что пока будут продолжать работать действующие муфтии - противостояние сохранится.

После многочисленных организационных перестроек муфтиятов, действующих на территории Башкортостана и Татарстана, которые были проведены в 90-е годы XX века, институционализация мусульманской конфессии в основном завершилась. В Татарстане число зарегистрированных мусульманских общин достигло 1000 (количество мечетей тоже около 1 тыс.), которые объединены в жесткую структуру ДУМ РТ и управляются в полном соответствии с административно-территориальным делением республики 45 мухтасибатами во главе с имам-мухтасибами. Создана и функционирует система казыев.³² Считается, что только в столице Татарстана - Казани функционирует более 55 мусульманских общин и действует 28 мечетей. По расчетам Р.Мухаметшина количество профессиональных священнослужителей достигает 3 тыс. человек, т.е. около 0,44 от числа потенциальных мусульман в республике. Показатели степени институционализации конфессии выступает функционирующая система духовного образования, включающая 8 учебных заведений, в том числе 5 средних медресе, 2 высших медресе и Российский Исламский Университет (РИУ). Численность обучающихся в них составляет около 1000 шакирдов.³³ За границей, в том числе в таких мусульманских государствах как Саудовская Аравия, Египет, Сирия обучается около 100 человек.

³² Набиев Р. Указ.соч. - с. 163-165.

³³ Мухаметшин Р. Указ.соч. - с. 163-165

На этом фоне впечатляющих успехов ислама в Татарстане, достижения институционализации мусульманской конфессии в Башкортостане выглядят довольно скромными. В структуре ЦДУМ на территории РБ по данным на 1 марта 2004 года количество приходов составило 490, в том числе: прошедшие регистрацию в минюсте 184 и не прошедшие регистрацию - 306. При этом количество мечетей достигло к этому времени 206. Все общины ЦДУМ управляются 35 мухтасибатами (на территории республики 54 сельских района и 20 городов и городских поселков) функционирует Совет Улемов, Совет Казыев.³⁴

В подчинении ДУМ РБ находятся около 300 мусульманских приходов, в том числе 227 - зарегистрированных в Минюсте. Общины управляются приблизительно 20 мухтасибатами.³⁵

В столице Башкортостана - Уфе существуют (за исключением молельных домов и строящихся зданий) 5 мечетей, реально функционируют - 4 мечети ("Ляля-Тюльпан", вторая Соборная на ул. Тукаева, "Гуфран" и "Ихлас"). Три первые находятся в подчинении ЦДУМ, четвертая - ДУМ РБ.

Наиболее разветвленной и качественно организованной системой духовного образования обладает в Башкортостане ЦДУМ. Под его юрисдикцией находится Российский Исламский Университет ЦДУМ России, имеющие очное, заочное и вечерние отделения, большой филиал в г.Октябрьский. В университете проходит обучение 622 шакирда, в том числе 120 - очно. Университет имеет три больших здания, находящихся в различных частях города, в одном из которых обучаются преимущественно заочные студенты, во втором - работает женское обучение, а в третьем учатся шакирды очного обучения. Преподавательский состав преимущественно местного происхождения, получивший образование или здесь же, или в Казани, или в зарубежных исламских вузах. Для изучения отдельных дисциплин приглашаются светские преподаватели. Арабский язык преподают часто приглашенные при посредничестве исламских фондов представители дальнего зарубежья. Среди студентов доминируют татары, затем следуют башкиры, обучаются много выходцев из Средней Азии. С 1989 по 1996 годы Университет функционировал как медресе им.Р.Фахретдинова, с 1996 по 2003года - Российский исламский институт ЦДУМ, в 2003году он прошел аттестацию и получил аккредитацию как университет.³⁶

ДУМ РБ организовал в своем подчинении медресе им. М.Султановой, зарегистрированное первоначально в 1997г. как Исламский институт. Учебный процесс начался в 1998 году и состоит из 4-х лет обучения. В настоящее время в медресе им.Султановой обучается на 4-х курсах 25 шакирдов на очном обучении и 60 - на заочном.³⁷

За границей, по данным обоих муфтиятов, обучается 19 человек от ЦДУМ и 11 человек от ДУМ РБ в основном в Египте, Сирии, Саудовской

³⁴ Текущий архив Центрального Духовного управления мусульман (ЦДУМ) России.

³⁵ Информация получена во время интервью с руководством ДУМ РБ, письменные документы представлены не были.

³⁶ Из интервью с ректором РИУ ЦДУМ России Раевым Р.А.

³⁷ Из интервью с ректором медресе им.М. Султановой Малаховым И.

Аравии и Турции. Т.е. в совокупности из Башкортостана обучается в дальнем мусульманском зарубежье только 20% от заграничного состава шакирдов Татарстана (100 чел.) и очень мало от контингента общероссийского ?. следует отметить, что по данным газеты ДУМ РБ "Рисалат" только во всемирно известном старейшем мусульманском университете "Аль-Азхар" в г.Каире (Египет) обучается сейчас более 200 российских студентов.³⁸

По результатам проведенного автором опроса мусульманского духовенства Башкортостана на вопрос "Каково Ваше отношение к получению качественного духовного образования за рубежом? Нужно ли это или необходимо развивать собственную систему исламского образования?" 60,5% ответили, что «необходимо развивать в основном собственную систему образования, а посылать шакирдов только на стажировку и в страны, где проповедуется наш масхаб». 23,7% считают, что «надо развивать только собственную систему и приглашать специалистов». Наконец, 15,8% опрошенных имамов исходят из того, что «необходимо обязательно посылать за рубеж, но в то же время развивать собственную систему образования».

По данным, полученным в секретариате ЦДУМ России, хадж совершают ежегодно от 30 до 60 жителей Башкортостана и даже в 90-е годы наивысшего подъема паломничества количество жителей республики, совершивших хадж не превышало 100 человек в год.

Таким образом, анализ проблем раскола в исламском духовенстве Урало-Поволжья, развития постсоветской институционализации уммы, а также - количественных и качественных характеристик духовного образования показывает, что потенциал влияния мусульманской конфессии, несмотря на бурное ее возрождение в последние годы, на общественно-политическое развитие макрорегиона остается невысоким и существенно ослабленным в Татарстане подконтрольностью религиозных общин региональной государственной власти, а в Башкортостане - продолжающимися распрями муфтиятов и их последователей. Однако нельзя недооценить возможности проявлений радикализма, особенно - в молодежной среде, где влияние экстремистских течений наиболее велико в силу не устоявшихся пока у них традиций местного масхаба и подверженности молодого поколения националистическим настроениям.

Исторические особенности, течения и потенциал радикализма в исламском возрождении Башкортостана

Анализ основных тенденций исламского ренессанса в Урало-Поволжском макрорегионе России показывает, что некоторые особенности реисламизации основаны на факторах, уходящих своими корнями в далекое прошлое, в период принятия и распространения ислама на этой территории. Большое значение имеют и межэтнические различия в степени проникновения религиозного сознания в широкие слои населения. Даже в среде самих башкир (не говоря уже о сравнении с татарами), отличающихся большой языковой и культурной гетерогенностью, степень "мусульманскости" исторически сильно

³⁸ Рисалат (Послание) Религиозно-просветительская газета, 2004, июнь №6

зависела от региона проживания и преимущественных сфер хозяйственной занятости. На западе и северо-западе современного Башкортостана башкиры практически идентичны татарам по культурно-языковому поведению и преимущественно земледельческому, оседлому характеру социоприродной адаптации. На северо-востоке и особенно - на юго-востоке башкиры сильно отличались от своих соплеменников по языку, культуре и традиционным способам хозяйствования (сохранение полукочевого и кочевого скотоводства, большая роль охоты, рыболовства, лесных промыслов и т.д.)

Проникновение ислама в Урало-Поволжье обычно связывают с началом X века, со временем приезда в раннесредневековое тюркское государство - Волжскую Булгарию, многочисленных миссионеров из Багдатского Халифата и последовавшим за тем объявлением здесь ислама официальной государственной религией.³⁹ Булгары, по признанию этнологов, являются одним из самых древних сегментов татарского и башкирского этносов. Небулгарский компонент древнебашкирского этноса, политический находящийся под протекторатом Булгарии, как показывают нарративные и археологические источники, очень долгое время, вплоть до эпохи расцвета Золотой Орды, сохранял языческие верования. Таким образом, уже с самого начала появления мусульманства в Урало-Поволжье началось формирование различий в степени проникновения ислама во внутренний мир татар и башкир: булгары, как известно, являются прямыми предками современных волжских татар (развитие ислама в Булгарии, судя по сохранившимся архитектурным памятникам, было очень сильным), а древнебашкирский этнос состоял в преобладающей своей части из печенежско-кипчакских компонентов, слабо подверженных исламскому влиянию.⁴⁰

Радикальная исламизация Урало-Поволжья, по признанию большинства специалистов, произошла в XIV-XVI веках, когда этот макрорегион был объединен в составе крупнейшего и наиболее мощного евразийского государства той эпохи - Золотой Орды и государств ее приемников (Казанское ханство, Ногайская Орда и т.д.). В Золотой Орде, ставшей своего рода "melting root" для тюркских этнических групп, ислам был объявлен при хане Узбеке официальной религией и, несмотря на толерантность по отношению к другим конфессиям, среди золотоордынских тюрок насаждался не только миссионерами, но и "огнем и мечом" мощной государственной машины. Не случайно, к XVI веку практически все тюркские народности этого региона были полностью исламизированны, с той лишь разницей (в новейшее время она проявила себя), что у кочевых и полукочевых этносов (в том числе - у башкир) ислам имел свою, иногда довольно существенную специфику.

После вхождения в состав русского централизованного государства, несмотря на проводимую царизмом политику этнического угнетения и

³⁹ Факт признания булгарами ислама официальной религией позволяет даже некоторым современным религиозным деятелям (Т.Таджутдин) заявлять о существовании в X веке "первого в Европе исламского государства - государства Булгар", хотя это влияние, на наш взгляд, явно преувеличено и осовремененно. См.: доклад Т.Таджутдина на XVI генеральной конференции Высшего Исламского Совета летом 2004 года // Дагват (орган ЦДУМ России), 2004, июнь

⁴⁰ См. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М. 1974

"христианизации", подавляющая часть татар осталась мусульманами, а башкиры, наряду с "вотчинными" правами добились неприкосновенности религиозных убеждений. Именно поэтому среди башкир никогда не было "крещенных", и по-видимому из-за этого открытие в 1789 году Екатериной Великой "Магометанского духовного управления" было осуществлено не в Казани, а в Башкирии. Более того, как отмечают специалисты, еще в начале XX века, когда происходил процесс генезиса татарской нации: «...из-за того, что у татар религиозные и этнические границы в основном совпадали, их борьба за сохранение своей «мусульманской идентичности», в конечном счете работало у них на рост национального самосознания, на осознание ими необходимости достижения в российской империи национального равноправия»⁴¹. Поэтому проникновение ислама в массовое сознание татар было глубоким, принимая во внимание, в том числе, уровень распространения мусульманского просвещения среди татар в досоветскую эпоху. Огромную роль, по признанию большинства специалистов, сыграло в этом процессе движение религиозного реформаторства – джадидизм, который, с одной стороны, имел выдающееся значение в просветительской деятельности, с другой – в значительной мере освободив массовое религиозное сознание от фундаменталистских парадигм, способствовал созданию своего рода татарского «евроислама»⁴². У башкир в досоветскую эпоху (эта тенденция, естественно, ретранслировалась на советское время) многочисленными наблюдателями констатировали слабое проникновение ислама во все стороны жизни, а самих башкир называли «плохими мусульманами»⁴³. С данным этнографическим фактом соглашаются практически все современные специалисты в том числе – стоящие сегодня во главе официальных национальных организаций⁴⁴. Закономерно, что сформировавшиеся, таким образом, традиции относительно слабого влияния исламских канонов на внутренний мир башкир, сохраняются и на современном этапе. Как показывают современные этносоциологические исследования, в башкирской среде «...религиозный фактор не играет для городских башкир (в отличие от татар) заметной роли в общественно-политической и культурной жизни. Религия не является фактом повседневной жизни городских башкир, не декларируется как часть национальной культуры и, следовательно, не способствует их внутриэтническому сплочению и солидарности...в сознании городских башкир этничность преобладает над религиозностью»⁴⁵.

Кстати, результаты проведенного автором интервью подтверждают вывод о влиянии на массовую исламскую религиозность этнических особенностей социокультурного поведения. На вопрос "Существуют ли, на Ваш взгляд, различия в степени религиозности между традиционными приверженцами ислама в Башкортостане?" 68,4% ответили, что эти различия есть, они

⁴¹ Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социо-культурному осмыслению.-Казань, 1997. - с.8

⁴² Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. -с.146-147

⁴³ Шакурова Ф.А. Менталитет кочевника и ислам // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России.-с.85-92

⁴⁴ См.: Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века.- Уфа 1994

⁴⁵ Киекбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность. - Уфа, 1998. - с. 172

обусловлены уровнем знаний, национальными традициями и менталитетом народа; 10,5% считают, что "в целом различия нет, есть только разные традиции"; 7,9% - "различий нет, но есть масхабы"; 7,9% - "в современных условиях различий нет"; 7,8% - "различия есть и они очень большие".

Исторически сложилось так, что все мусульмане Урало-Поволжья придерживаются ислама суннитского толка и, в подавляющем большинстве, ханафитского масхаба. В тоже время, начиная с середины XIX века, на этой территории были довольно широко распространены суфийские братства (тарикаты), руководитель одного из которых, ишан, шейх Зайнулла Расулев проповедовал учение накшбандия и стал одним из самых известных в дореволюционной России суфиев, одновременно открыв в г.Троицке очень популярное в регионе джадидское медресе.⁴⁶ Постсоветское возрождение ислама в Башкортостане не привело к появлению даже представителей тарикатов среди духовенства. Во всяком случае, опросив около 40 имамов из различных субрегионов РБ автор узнал только от одного из них, что тот придерживается суфийского учения и периодически выезжает к своему "остаза", проживающему в Дагестане. На вопрос интервью "В исламе существуют тарикаты. Есть ли, по Вашему мнению, представители таковых в Башкортостане? И вообще, как Вы относитесь, например, к суфизму" интервьюируемые ответили (в порядке убывания) следующим образом:

- а) К суфизму отношусь положительно (57,9%), но к сожалению суфиев у нас очень мало и их влияние не большое (55,3%);
- б) Отношусь к суфизму отрицательно, так как он проповедует полный уход из мирской жизни (15,8%);
- в) Суфизма у нас нет и быть не может (15,8%);
- г) Суфии видимо есть, но я о них не знаю, надеюсь, что в будущем появится больше суфиев (10,5%);
- д) Затрудняюсь ответить (10,5%).

Начиная с 1999 года, как известно, не только в мусульманской среде, но и во всем российском обществе стала актуальна проблема вакхабизма. Всплеск распространения радикального исламизма, сочетающийся, а по мнению некоторых, и основанный на широком наступлении исламского экстремизма во всем мире, привел к кровавым событиям в Дагестане и Чечне, к многочисленным терактам в других регионах России. Термин "вакхабит" стал синонимом понятия "террорист" и приобрел исключительно негативное значение. Причем даже среди умеренных и вполне лояльных к официальной власти деятелей исламского духовенства в Башкортостане, понятие "вакхабизм" воспринимается как "навязанное обзывание", своего рода "ярлык-страшилка", жупел. Многие имамы говорили автору, что вакхабизм - это термин ФСБ, а в действительности это особый масхаб - салафиты. Некоторые даже выражали сочувствие салафитам. Тем не менее имамы не высоко оценивают перспективы распространения радикально-исламистских и экстремистских группировок в Башкортостане и в Урало-Поволжье в целом. На

⁴⁶ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М. - 1998. - с. 85-86

вопросы "Возможны ли проявления крайнего религиозного экстремизма среди мусульман Башкортостана и Урало-Поволжья, например - вакхабизм? Если да, то почему? Если нет, то почему?" опрошенные ответили довольно неоднозначно (см.табл.1). Хотя по мнению Д.Макарова в Поволжье (в частности - в Татарстане) радикальные тенденции к исламской конфессии получили небольшое распространение, а "практический экстремизм" проявился только в результате взрыва газопровода в районе Кукмора в декабре 1999 года⁴⁷, само понятие "вакхабизм", как идеологический инструмент, стал играть довольно значимую роль во взаимоотношениях духовенства между собой. Многие опрошенные автором имамы, особенно - оппоненты Т.Таджутдина из ДУМ РБ, например, отмечают, что последний постоянно, а часто и публично, обвиняет своих единоверных противников в вакхабизме, пытаясь привлечь тем самым на свою сторону общественность и силовые ведомства (особенно ФСБ). Иногда это ему удается, как это было в случае перевода под юрисдикцию ЦДУМ медресе г.Октябрьского (один из шакирдов данного медресе оказался замешанным в организации теракта в Кукморе. Прежний руководитель медресе – активный противник Т.Таджутдина – был смещен за это с должности). Многие имамы из числа сторонников Т.Таджутдина совершенно искренне утверждали в своих интервью, что отдельные противники Верховного муфтия ЦДУМ замечены в связях с вакхабитами на Кавказе, а в своих проповедях ("Дагват") пытаются пропагандировать так называемый "чистый", "истинный" ислам, т.е. основной догматический посыл вакхабитов. Так или иначе, анализ результатов интервью показывает, что количество имамов, предполагающих и отрицающих возможность крайнего исламизма в Башкортостане, делится приблизительно пополам. Причем главными "воротами", через которые мусульманский экстремизм может войти в Урало-Поволжье, имамы считают возможное попустительство правительства, невежество верующих и необходимость отстаивать "здоровый" местный ислам. Тем самым подается заявка на необходимость объединения усилий государства и мусульманского духовенства в противостоянии исламскому экстремизму. В то же время имамы уверены в том, что объективных предпосылок (в отличие от Северного Кавказа) для распространения радикализма в широких слоях мусульман нет. Отрицают опрошенные имамы и возможность межконфессиональных столкновений в Башкортостане: 57,9% считают подобное развитие невозможным, т.к. "у нас другие традиции, мирный ислам"; 13,2% - невозможным из-за того, что "истинная вера ислама не терпит войны", и только 13,2% - исходят из того, что "война вполне возможна, если экстремисты поднимут народ".

В целом анализ распространения и глубины проникновения радикального исламизма в религиозное сознание верующих, сделанный на материалах экспертного интервью, позволяет сделать вывод, что потенциал развертывания экстремистской религиозной идеологии среди мусульман Башкортостана не

⁴⁷ Макаров Д. Указ.соч. - с. 48-49.

большой и не может оказать сколько - нибудь серьезного разрушающего воздействия на исламскую конфессию.

Таблица 1

Экспертная оценка мусульманским духовенством Башкортостана
возможных проявлений религиозного экстремизма
(по результатам авторского интервью)

Бесперспективная оценка (невозможность) экстремизма		Перспективная оценка (возможность) экстремизма	
1. Нет, не может быть, так как нет традиций, и народ в нашем регионе это отвергает.	(15) 39,5 %	1. Возможен, если экстремистам не будет противостоять истинный ислам	(7) 18,4 %
2. Не возможно, т.к. люди у нас живут хорошо, нет безработицы, нищеты	(2) 5,3 %	2. Возможен на бытовом уровне из-за общего и религиозного невежества, или психических отклонений	(5) 13,2 %
3. Не возможен, т.к. уровень исламской религиозности в современных условиях низок	(2) 5,3 %	3. Возможен, если государство не будет контролировать этот процесс	(5) 13,2 %
4. Не возможен, т.к. мы находимся далеко от центров вакхабизма	(1) 2,6 %	4. В исламе вакхабизма нет, есть салафиты	(2) 5,3 %
5. Не возможны, т.к. нет традиций, а против этого муфтий и ФСБ	(1) 2,6 %		